

792.1

Л-557

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

ЭРИНИИ

ПЕТРОПОЛИС

1922

ЕТРОВИРЕНО - 93

ТЕАТР

под редакцией Д. К. ПЕТРОВА и Я. Н. БЛОХА

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОГО РЕПЕРТУАРА

ВЫПУСК ВТОРОЙ

ПЕТРОПОЛИС

1922

792.1
Л-57

Леконт де Лиль

ЭРИНИИ

ПЕРЕВОД И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

М. ЛОЗИНСКОГО

РЕЖИССЕРСКИЕ УКАЗАНИЯ

В. Н. СОЛОВЬЕВА

ЭСКИЗЫ ДЕКОРАЦИЙ И КОСТЮМОВ

А. Я. ГОЛОВИНА.

ПЕТЕРБУРГ

1922

— ДЕК 2011

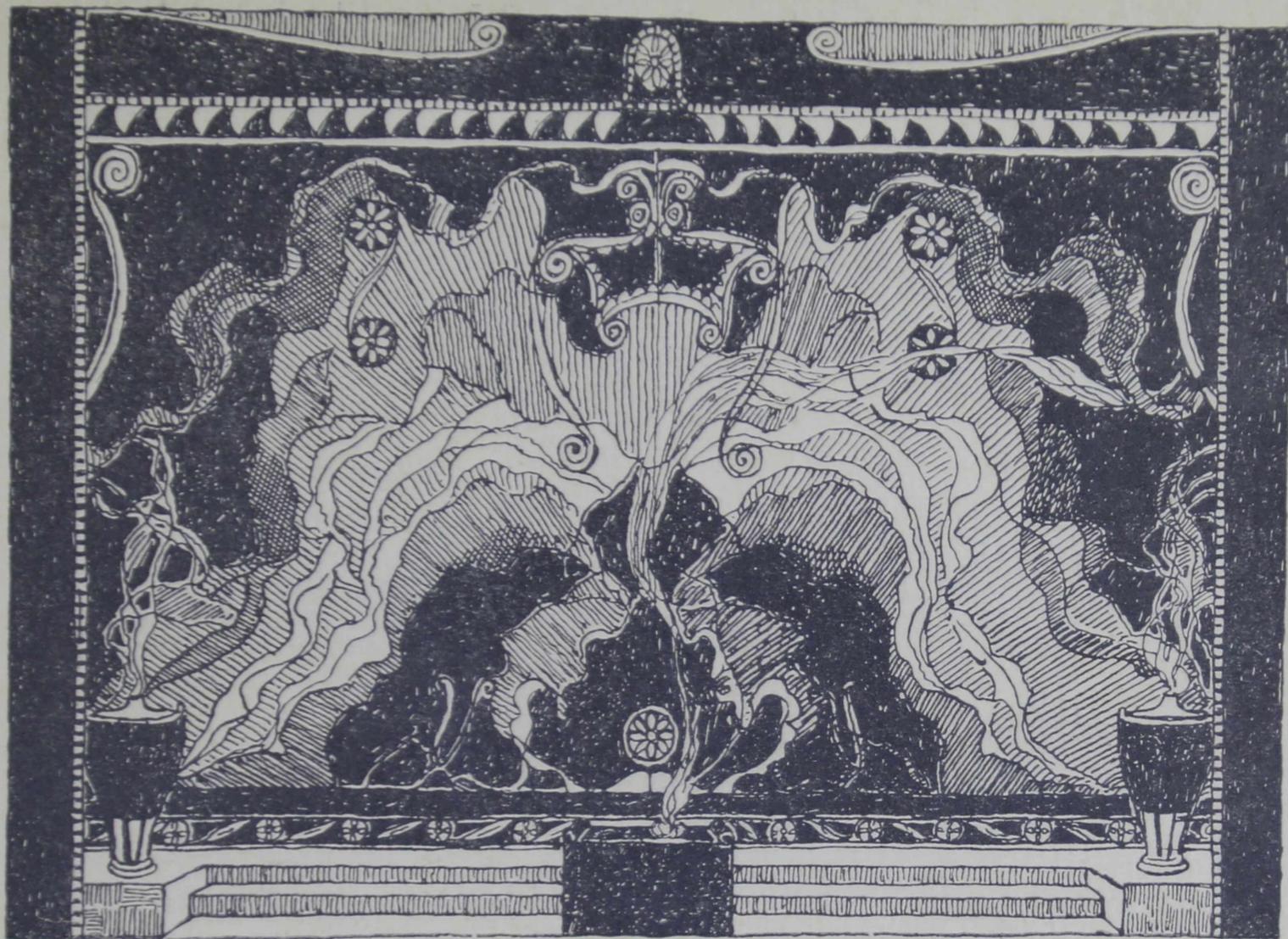
Оригинал

БИБЛИОТКА 6472
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАБОТ
ТЕАТРАЛЬНОЙ И МУЗЫКАЛЬНОЙ ФИЛИАЦИИ
РУССКОГО ТЕАТРА И МУЗЫКИ

Отпечатано в количестве
одной тысячи пронумерованных
экземпляров.

№ 1024

Р. В. Ц.

Просцениум.

Л.

ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

(1818 — 1894)

Еще мало кто слышал о молодом Леконт де Лиле, когда Виктор де Лапрад ввел его в салон Сент-Бева. Собравшиеся там поэты читали свои стихи. Очередь дошла до Леконт де Лиля. Он прочел „Полдень“. Хозяин, со слезами на глазах, обнял его и воскликнул: „Да ведь это шедевр, и этот ребенок — великий поэт!“. В „Constitutionnel“ появилась хвалебная статья Сент-Бева, где „Полдень“ приводился целиком. „С этого дня, говаривал с улыбкой Леконт де Лиль, я стал для критиков и для публики поэтом „Полдня“. Хотя бы я написал сто тысяч других стихов, я буду всегда только автором „Полдня“.

Издавая вскоре после того свои „Античные поэмы“, Леконт де Лиль предсказывал, что они мало понравятся и будут мало оценены. Эта мысль его не смущала. „Нехорошо нравиться толпе, говорил он. Истинный поэт никогда не бывает последовательным или произвольным откликом общественных дум. Это другие люди должны чувствовать и

oo

думать, как он“¹⁾. „Искусство, ярким, напряженным и полным выразителем которого служит Поэзия, есть интеллектуальная роскошь, доступная очень немногим умам. Великие поэты, подлинные художники, являвшиеся в народе, не жили его жизнью, не говорили на языке, ему понятном. Они принадлежат к духовному племени, которое он никогда не признавал, которое он неустанно проклинал и преследовал. Тех же, напротив, что по природному убожеству или по умственной испорченности сделались его льстецами, услужливым эхом его выдохшихся вкусов, опошлятелями того, чего никогда нельзя опошлять, под страхом окончательного падения, тех он любил и прославлял“²⁾.

Леконт де Лиль не был из их числа. Непосвященные его не знали. Посвященные чтили в нем учителя и вождя. Поэты Парнасса видели в нем своего родоначальника. Надменно и благоговейно совершал он свой величавый подвиг. В горном хребте мировой поэзии его ледяная вершина останется одной из самых недоступных и самых чистых.

Леконт де Лиль не по человечески расширенными глазами увидел трагическое великолепие нашей планеты среди других вселенных, почуял сердцем, какая жадная жизнь горит в населяющих ее

---

¹⁾ Les poètes contemporains. Lamartine.

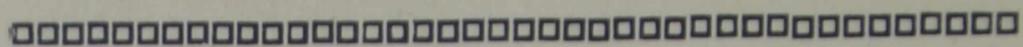
²⁾ Les poètes contemporains. Avant-propos.

oo

неисчислимых тварях, от хищников звериного царства до тоскующего о бессмертии человека, долго созерцал ослепительное шествие давно минувших тысячелетий и возжаждал небытия.

Зарождение в нем поэтического чувства Леконт де Лиль сам приписывал отчасти тому счастливому случаю, что родился он „в краю волшебного-прекрасного и полудиком, богатом странною растительностью, под ослепительным небом“. Там, на острове Соединения, он провел свою юность, там сроднился с „неизмеримостью и немолчной жалобой моря, с лучезарным спокойствием небес“. Все тот же тропический остров вставал перед ним, когда воспоминание уводило его к другому роднику его поэзии, к „вечной первой любви“, о которой он оставил нам застенчивые, едва уловимые признания, но „бессмертный аромат“ которой его душа сохранила „над жизнью дольною, над вечностью времен“.

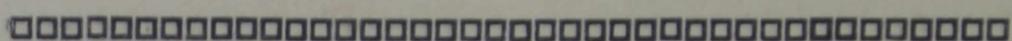
Рожденная страстной душой и неукротимой мыслью, поэзия Леконт де Лиля, лирическая по существу, менее всего похожа на исповедь. В ней мы почти не находим личных признаний. Поэт редко говорит от своего лица. Он не захотел идти по удобной дороге, облюбованной его современниками, „проповедниками без общих правил, философами без доктрины, подражательными и предубежденными мечтателями“, всеми теми, кто не понимал, что поэзия в упадке, что она не отвечает больше запросам века, что она перестала вести за собой людей. Он

поставил себе задачей вернуть поэзии подобающее ей место верховной выразительницы человеческих дум, поднять ее на ту высоту, где ее создания становятся непреложными и нетленными. Он оживил позабытую столетиями глубокую внутреннюю связь между наукой и поэзией. Творчество Леконт де Лиля питалось всей полнотой знаний своего века, и это не только не умалило его свободы и непосредственности, но придало ему небывалую мощь. Сильный знанием, еще более сильный искусством, Леконт де Лиль создал книги, где, по его же признанию, „личные чувства почти не оставили следа“, где „современные страсти и события не появляются вовсе“, но где нашим глазам открываются незабываемые по яркости картины природы и видения духа, посещавшие человечество на его роковом пути. Эти книги: *Poèmes Antiques* (1852), *Poèmes Barbares* (1862), *Poèmes Tragiques* (1884), *Derniers Poèmes* (посмертная, 1895).

Уроженец тропического юга, с нормандско-бретонскою кровью в жилах, Леконт де Лиль был навсегда пленен многообразной красотой своей планеты, с равной силой воссоздавая в своих стихах и ледяной ветер Севера, и все умерщвляющий экваториальный зной. Никто до него не умел вызывать, колдовской силой ритмического слова, таких блистательных образов видимого мира. Для его зоркого взгляда, остановившегося в мудром созерцании, равно прекрасны и равно ничтожны все явления,

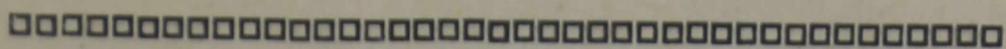
когда умолкнет голос живых, умолкнут все шумы природы и прахом погибшей земли оплодотворятся пространства, где зарождаются вселенные.

Безжалостное зрелище мира, бесцельно возникшего и бесцельно живущего, родило в поэте великую тоску, неутолимую жажду небытия. Он словно о себе самом вел речь, когда говорил о Вальмики:

Вальмики, царь певцов, бессмертный, очень стар.
Его очам предтек мир мимолетных чар,
Мгновенней, чем прыжок проворной антилопы.
Ему сто лет. Ему земные скучны тропы.
Как, предвкушающий глубокий синий зной,
Бьет крыльями орел над темной крутизной,
Дух, истомившийся в его сковавшем тлене,
Стремится отлететь от суетных видений.
Вот почему Певец героев старины
Зовет спокойствие и сладость тишины,
Неизреченный мир, где больше нет сознанья,
Предел всех помыслов, разлада и страданья,
Верховный сон без грез и череды времен,
Который царственным забвеньем осенен.

Леконт де Лиль слагал страстные гимны Божественной Смерти, освобождающей от времени, числа и пространства и возвращающей нам покой, нарушенный жизнью. Но его печаль больше печали Экклезиаста. „Невозвратная смерть — тоже ложь. Счастлив, кто одним прыжком мог бы в ней потонуть!“ А он, охваченный ужасом, слышал всегда, в упоении и жути бессмертия, протяжный вой вечной Жизни.

И все таки, в прошлом человечества Леконт де Лилю виделось время, когда стоило жить. Этот золотой век некогда сиял над Элладой. Люди Эллады воочию созерцали Красоту, ее художники ее воплотили. Потом наступили сумерки, а за ними ночь. „После Гомера, Эсхила и Софокла, представляющих Поэзию в ее жизненности, полноте и гармоническом единстве, упадок и одичание овладели человеческим духом. В отношении самобытного искусства, римский мир стоит на уровне даков и сарматов; христианский цикл весь целиком варварский. Данте, Шекспир и Мильтон доказали только силу и высоту своего личного гения; их язык и их мысли — варварские... Что же остается от веков, протекших со времен Греции? Несколько мощных личностей, несколько великих созданий без связи и единства... И теперь искусство и наука обращаются вновь к своим общим истокам... Задача нашего века — разыскать и собрать родовые права человеческой мысли“¹⁾... „Строй, ясность и гармония — вот три несравненных качества эллинского гения. Идеальные, типические образы, которые он создал, никогда не будут ни превзойдены, ни забыты. Их можно будет только воспроизводить, по необходимости их ослабляя. Позже — ничего равного им нет“²⁾.

Леконт де Лиль еще на школьной скамье увлекался греческой поэзией. Он был выдающимся эл-

1) Предисловие к *Poèmes Antiques*.

2) Предисловие к *Poèmes et Poésies*, изд. 1855.

oo

линистом. Чуть ли не полжизни посвятил он работе над переводом великих созданий древности на французский язык. Им переведены полностью, прозой: Феокрит и Анакреонтические оды (1861), Илиада (1866), Одиссея (1867), Гесиод и Орфические гимны (1869), Эсхил (1872), Софокл (1877), Эврипид (1885). Переводы эти, по своей точности, по тщательной передаче стиля подлинника, должны почитаться совершенными. По ним Франция впервые знакомялась с духом и формой греческой поэзии, которую прежние переводчики, начиная с XVII века, искажали и извращали.

Данью его культу Эллады, помимо ряда стихотворений, являются две его трагедии: „Эринии“ (1873) и „Аполлонид“ (1888). Первая вдохновлена Эсхиловыми „Агамемноном“ и „Хоефорами“, вторая — „Ионом“ Эврипида.

В изложении фабулы „Эриний“ Леконт де Лиль близко следует Эсхилу, но античную тему он разрабатывает самостоятельно. Религиозная основа предания, аттический миф об Эриниях-Эвменидах, составляющий существо заключительной части Эсхиловой трагедии, отменяются им вовсе. Леконт де Лиль, оставаясь в пределах двух первых частей „Орестей“, сохраняет лишь человеческое в кровавой были о гибели Агамемнона и о мщении Ореста. К богам взывают герои трагедии; поэт их не знает. Самый рок в „Эриниях“ — не Мойра древних; герои Леконт де Лиль носят его в себе, он в их

Э Р И Н И И

БИБЛИОТЕКА 6772
ЦЕНТРАЛЬНОГО ИНСТИТУТА
ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РУКОВОДЯЩИХ И ТВОРЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Агамемнон
Орест
Талфибий
Эврибат
Дозорный
Клитемнестра
Электра
Касандра
Каллироя
Исмена

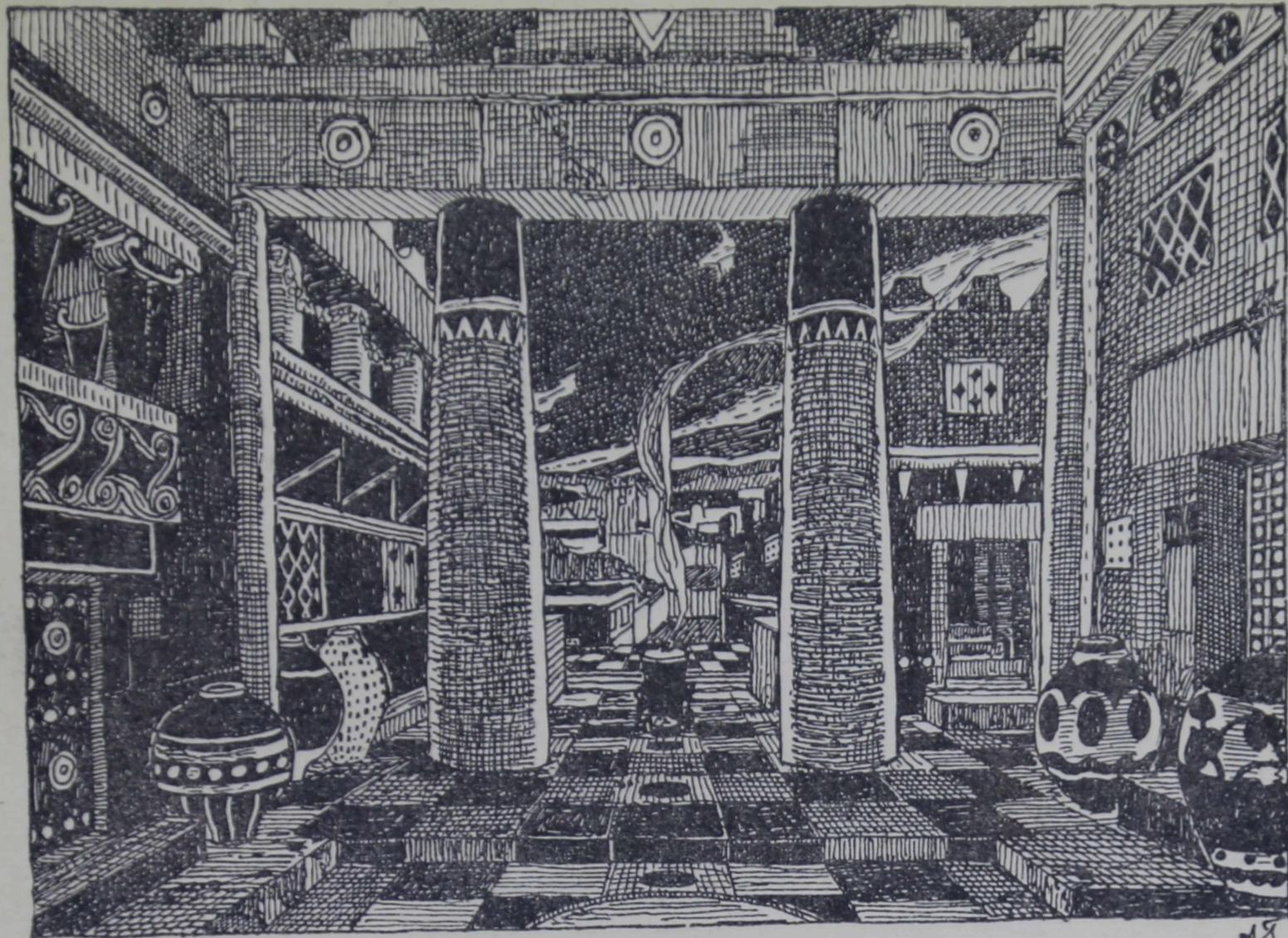
Слуга. — Эринии. — Хор старцев
Хор Хоефор

Воины. — Корабельщики. — Пленники. — Пленницы
Служанки Клитемнестры. — Народ

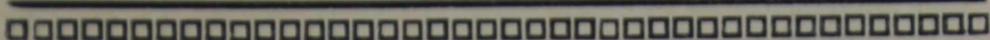
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КЛИТЕМНЕСТРА

Эскиз декорации первой части

Внешний портик древнего Пелопова дворца. Массивная архитектура. Приземистые конические колонны, без базы. В глубине, в просветах колоннады, Аргос. Сцена темна. Эринии, высокие, бледные, тощие, в длинных белых одеждах, со спадающими на лицо и на спину волосами, ходят взад и вперед.

Занимается день. Оне исчезают.

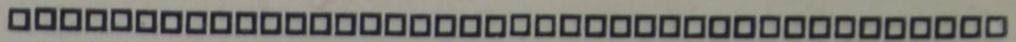
Аргосские старцы, опираясь на высокие посохи, входят из глубины и разделяются на два полухора, справа и слева. — Талфибий и Эврибат делают несколько шагов вперед, навстречу друг другу.

I

ТАЛФИБИЙ, ЭВРИБАТ, ХОР СТАРЦЕВ

Т а л ф и б и й

О старцы, десять лет уже прошло унылых,
Как отплыли Цари на стругах легкокрылых,
И с ними двинулся в пучину бурных вод
Косматых Элинов воинственный народ,
Что стай хищных птиц в зарю свой вылет бросил,
Взбив море гулкое ста тысячами весел.
И нет их более, ни ратных, ни вождей!

Э в р и б а т

Так много юношей, так много кораблей!

Т а л ф и б и й

О, сколько ртов, что прах грызут, кляня Елену,
Коней, глотающих хладеющую пену,
Мечей, ломающих округлый щит и шлем,
Разбитых колесниц, не правимых никем,
Под стук оружия, и вопли, и угрозы!

Э в р и б а т

И ради женщины вся эта кровь и слезы!

Т а л ф и б и й

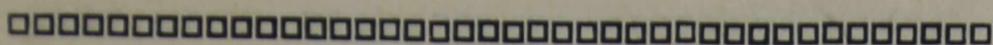
Одни, без сил, дрожа, мы медлим у золы
Погасших очагов, склоняясь на жезлы;
А в цвете мужества погибли наши дети!

Э в р и б а т

Мы словно призраки скитаемся при свете.

Т а л ф и б и й

Атрид божественный обратно не придет!
Какая дань вина, или соленых вод,
Или бычачьих бедр, сочащих тук обильный,
Умилостивит дух Эринии всесильной,
Что в этот древний дом, свершая мечь, вошла,
В чудовищный вертеп предательства и зла,
Свидетель мерзостный кровавого былого?

Эврибат

Не говори! Молчи! Что может наше слово?
Жена, царящая с железною душой,
Уже не ждет того, кто взят морской волной
Иль укрощен копьем тяжелым Приамида.
Нам на язык быка! Пускай молчит обида.

Талфибий

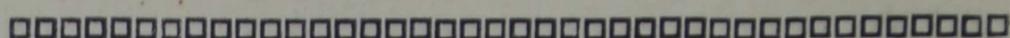
А этого дворца наследник молодой!
Не он ли удручен постыдною нуждой,
Познав бесчестие, и бич, и несвободу,
Чужой родным стенам и своему народу,
О горе!

Эврибат

Горе!

Талфибий

Зевс! ты, чей державный дом
На высях, ты, чей глаз не отуманен сном,
Ты, чья густая бровь чело надменных клонит
И тучи грозные с протяжным громом гонит,
О, Демон царственный, чьей мощи нет конца,
Услышь нас! Вспомяни ребенка и отца!

II

ТЕ ЖЕ, ДОЗОРНЫЙ

Дозорный (входя стремительно)

Я видел! Это он! Святой огонь пылает!
Данаец ринулся, и жертва издыхает,
Пал под рукой Богов великий Илион!
Кровавая заря торжественных времен,
Плывущая с холма на холм во тьме огромной,
Привет тебе, огонь, о, светоч ночи темной,
Который под дождем и при лучах светил
Я взором так давно, так жадно сторожил!
Отчизна! Те, кого вскормила ты к победе,
В гортань Фригийскую вцепились хваткой меди;
И башня вырвана, и глыбы стен лежат!
И вот уж близится слепительный возврат!

Талфибий

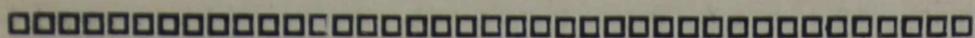
Безумный, что за речь ты держишь, ты в уме ли?
Брось! Прах Властителя лежит в чужом пределе;
Мы никого не ждем из тех, кто сердцу мил.

Эврибат

То на крутой горе костер пастуший был
Иль Зевса рдеющий перун.

Эскиз костюма Клитемнестры

Дозорный

Взгляните сами!

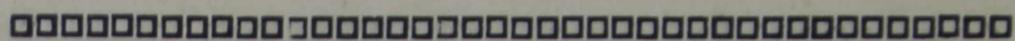
Я бодрствовал, стоял с открытыми глазами.
Нет! Крайний из костров, всех выше, до сих пор
Вьет золотистый сноп в тумане темных гор;
Нам это знаменье шлет Илион горящий.
Пусть слышат! Илион во власти рати мстящей!
Владыка, Царь людей, ты покорил его!

III

ТЕ ЖЕ, КЛИТЕМНЕСТРА

Клитемнестра (Входит, за нею служанки.— Она делает знак рукой.— Дозорный уходит)

Он прав. В моей душе, о старцы, торжество.
Как вздувшейся реке, несущей гибель полю,
Так буйству Эллинов дал Олимпиец волю.
С копьем в руке, с враждой в глазах, с хулой у рта,
По храмам, по дворцам, где, ветром разлита,
Горящих языков щетинится громада,
Я слышу, кружится разящая Паллада,
И чернь ревет, ложась, как скошенный камыш,
И воют матери, когда с затлевших крыш

Летят и крошатся о камни колыбели,
Чтоб ноги воинов свежее багровели.
Победа сладостна, и тешит душу месть!
Восславим же Богов за то, что это есть.
Нераз они меня прельщали сном обманным!
Но даром никому нельзя владеть желанным,
И, право, десять лет желать и ждать в тоске —
Немного, если плод уже почти в руке.
Да! Господин, Супруг, Царь корабельных строев
Вернется в черный дом семейственных героев
И ту, кто ждет его, он встретит в нем, войдя!

Т а л ф и б и й

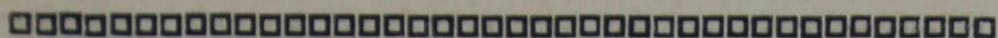
Владычица, жена отплывшего Вождя,
Что правишь Аргосом, возлюбленным Богами,
Ты речь хорошую держала перед нами,
Но лик Надежды юн, а нам уж много лет!

Э в р и б а т

В деснице Демонов грядущего завет.
Нередко легкий рой прельстительных видений
Вплетает тишина в полуночные тени.
Но помни, спящая, о неизбежном дне!

К л и т е м н е с т р а

Или младенец я, смеющийся во сне?
Довольно! Я зорка, а ваши тусклы взоры.
Вспойте Всеблагим торжественные хоры!
Правдивый пламенник свидетельствовал нам,

И корабли прошли по пенным волнам
И вот вонзаются в песок кормою медной.
Он близок, страшный Вождь, держащий жезл на-
следный,

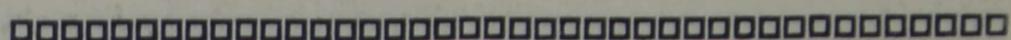
Кому судил Кронид вернуться ныне вспять,
Но не дал средь живых, о старцы, увидеть
Дитя, которое зарезать было надо,
Чтоб возвеличилась отмщенная Эллада,
Для взора матери раскрывшийся цветок,
Как вышней милости любимейший залог,
Который, радостью пылая бесконечной,
Я Ифигенией звала в тиши сердечной!
Так было надо. Пусть. Забвение — удел
Всех человеческих, уже свершенных, дел.
Хвала Блаженным! Рать вошла в святую Трою.
Великой радостью весь Аргос я покрою,
И пред лицом небес до ночи, вновь и вновь,
Пусть ста больших быков течет густая кровь.
(Уходит).

IV

ТАЛФИБИЙ, ЭВРИБАТ, ХОР СТАРЦЕВ

Т а л ф и б и й

Держащие Олимп, отмстители неправым!
Коль пламя буйное бежит по горным главам
И милого Вождя увижу я возврат,
Откуда этот страх, которым я объят?

Эврибат

О вы, что движете земные дни и сроки,
Что в Аргос вводите и во дворец высокий
Коней Смирителя, отраду наших глаз,
Защитники отцов, не смею славить вас!
Речь скована перстом таинственных велений.

Талфибий

Давнишние Цари, взлохмаченные Тени,
Несущие, склонясь, ступая тяжело,
На спинах и плечах содеянное зло,
Зачем ваш злобный гул вокруг себя я внемлю?
Вы, лики мертвецов, обременивших землю,
Чтоб стать добычею бродящим ночью псам,
Чего, о Призраки, о скорби, нужно вам?

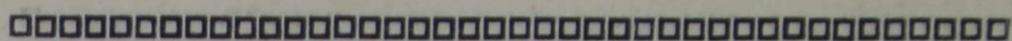
Эврибат

Что ты зовешь меня, краса родного края,
Юница чистая, возросшая, блистая
Чистейшей прелестью на ласковой заре?
Ты кровью истекла на страшном алтаре!

Талфибий

Кичливый Город пал, о, праведные Боги!
Вы сокрушили в прах и стены, и чертоги,
Вы разметали кремль высокий без следа
И в Аргос гоните понурые стада

V

ТЕ ЖЕ, КЛИТЕМНЕСТРА, АГАМЕМНОН, КАСАНДРА,
ВОИНЫ, КОРАБЕЛЬЩИКИ, СЛУЖАНКИ КЛИТЕМНЕСТРЫ,
ПЛЕННИКИ И ПЛЕННИЦЫ

Клитемнестра

О Царь! войди в свой дом, под кров, где жили деды.
Войди, почтен людьми и Вышними, живой
И славный, пощажен и ветром, и волной,
Перуном Зевсовым и острой медью битвы,
О ком я множила рыданья и молитвы,
Ахейцев крепкий щит, низвергший Илион!
Когда, лишен своих и родины лишен,
Равниной, где звенят воинственные строи,
Ты двигал на оплот несокрушимый Трои
Вихрь нескончаемый и ратных, и коней,
Одна, обречена владычеству скорбей,
Скитаясь по дворцу, среди полночных теней,
Внимая реянью чудовищных видений,
Я стоны слышала в ужасной тьме палат;
И для очей души, не знающих преград,
Передо мной вставал, неспешный, величавый,
Твой образ, Государь, твой бледный лик кровавый!
Тоскующей вдовы, ах! беззащитен путь.
Вот почему твой сын, мою сосавший грудь,
Наследник молодой и золота, и царства,
Не в Аргосе, укрыт от козней и коварства.

oo

Его увидишь ты. Исчезли навсегда
Снов, полных ужаса, плачевные года,
И ожидание, и вечная тревога.
Вот муж! Вот бодрый Страж старинного порога,
Который для меня священной и милей,
Чем долго шедшему средь жаждущих полей
Гостеприимный зов струящейся прохлады!
Приди же, гордый свет и мой, и всей Эллады,
И с торжеством вступи, славнейший из бойцов,
Дорогой пурпурной под кров твоих отцов!

(Служанки Клитемнестры расстилают перед Агамемноном пурпурные ковры).

Агамемнон

Примите мой привет, ты, Аргос, град блаженный
Вы, храмы, очаги, народ одноплеменный!
И вы, хранившие мой опустелый кров
От поругания, от хитрости врагов,
Кронид, Гермес и Феб, чьи стрелы блещут, рея!
Хвала вам, дивные друзья сынов Атрея,
Что в петли частые старательных тенет
Загнали ужасом охваченный народ
И до сих пор еще, во тьме ночного лона,
Метете вихрь огней над прахом Илиона!
Жена! ты речь вела неправым языком:
Я в простоте войду в высокостолпный дом;
Не как всемогущий Бог, чей век блаженный вечен,
Иль чванный варвар, нет, как муж хочу быть встречен;

Затем что Зависти воспламененный взор
Вкруг счастья нашего в тени ведет дозор.
Быть мудрым надлежит и властвовать собою.

Клитемнестра

Мой милый, согласись! Я сердце успокою.
Мне сладко, столько дней плачевных проведя,
Почтить торжественно Супруга, и Вождя,
И отомстителя! Царь над водой и сушей,
Багрец тебе пристал, он мил Бессмертным.

Агамемнон

Жена! Я говорю тебе: не спорь со мной!
Любимая земля, суровый прах родной —
Мне шире, и верней, и праздничней дорога.
Я, не сгибая плеч, Богам покорный, много
Нес и трудов, и дней, и вынес до конца,
И жду, придя домой, лишь верные сердца.
Ни преклоненных лиц, ни восклицаний льстивых!

(Указывая на Ксандру).

Вот, на нее взгляни. Для поступи счастливых
Изрыта Мойрами бездонной ямы пасть.
Кто поднял голову, уже готов упасть.
Будь с Чужестранкою приветливой, дочь Леды;
Ты облегчи ей цепь и умягчи ей беды.

* Эскиз костюма Агамемнона

Клитемнестра

Уста безмолвствуют, и не дрожат ресницы.
Мне некогда здесь ждать, Невольница! Идем!
Уж овцы с блеяньем стоят перед огнем;
Уже, повязками увенчаны, готовы
Взречь быки, язык ворочая лиловый;
Соль сыплется в ячмень, в вино замешан мед;
И смолы курятся, и нож священный ждет,
У чаш серебряных, отточенный, сверкая.

(Касандра стоит неподвижно).

Она безумная. Вражда в глазах какая!
Глядит, как дикий зверь, что свора загнала.
Что ж, Дочь Царей, тебе мы можем удила
Сковать из золота и из слоновой кости.
Грызи зубами их, марай их пеной злости!

(Входит во дворец, за нею
служанки. Касандра остается не-
движимой).

VII

ТАЛФИБИЙ, ЭВРИБАТ, ХОР СТАРЦЕВ, КАСАНДРА

Т а л ф и б и й

Или ты, женщина, не понимаешь нас?

К а с а н д р а

О Боги! Кубок полн, и настает мой час!

Эврибат

Несчастливая! О чем скорбишь в такой тревоге?

Касандра

Зачем я от меча не пала, Боги, Боги!
Меня зовет к себе безжалостный Аид.
Где я?

Талфибий

Здесь властвует божественный Атрид.

Касандра

Жилище, мерзкое и смертному, и Богу!
Зачем ты вверг меня в кровавую берлогу,
Мой Аполлон?

Эврибат

У ней, как видно, песий нюх!

Талфибий

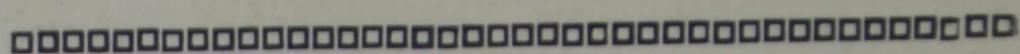
Не чует ли она давнишней крови дух,
Иль вещим веяньем язык ее ужален?

Касандра

О, если б темный дом пал грудой развалин!

Эврибат

Что ты его клянешь, так горестно грозя?

К а с а н д р а

Стой, стой! Поистине, чудовищней нельзя
Убийству быть! Как трус, смирен герой суровый.
Скорее! Прочь быка ведите от коровы!
А! а! тяжелый плат его узлом сдавил;
Она бьет топором, еще, еще, он взвыл;
Из глаз неистовых, как пламя, ярость пышет,
О, самка гнусная! И вот самец не дышит!

Т а л ф и б и й

Чью гибель жалкую вещает нам она?

К а с а н д р а

Бог милый, я на смерть тобой приведена!

Э в р и б а т

Теперь она свои оплакивает муки.
Кто этот Бог?

К а с а н д р а

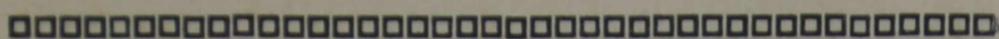
Меня он любит, Сребролукий!

Т а л ф и б и й

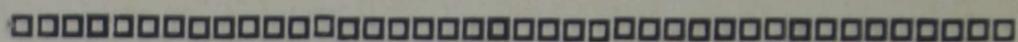
Тебя он любит и преследует враждой?

К а с а н д р а

Я не сдержала клятв, ах! он обманут мной;
И с той поры меня он мучает всечасно.
Грядущие дела провижу я напрасно:
Никто не верил мне! Я плакала, стена,
И что ж? Смеялись все иль гнали прочь меня.

И я, во тьме ночной скитаясь нелюдимой,
Внимала, как растет прилив неодолимый,
Седого моря бед неотвратимый вал;
А Бог безжалостный тоской моей играл
И, стаяй призраков мои тревожа ночи,
Народу моему замкнул и слух, и очи;
И я пророчила напрасно, день за днем!
Палаты, башни, кремль, Царей старинных дом!
Державного отца и матери седины,
Береговой песок у плещущей пучины,
Потоки быстрые, чета родных Богов,
Поившие в жару пасущихся быков,
А под вечер, в волне, дышавшей томным зноем,
Баюкавшие дев, звеневших нежным роем!
Вы, мчащие теперь оружие бойцов,
Обломки колесниц и груды мертвецов,
С пустыми взорами, косматых, страшных видом!
Скамандр и Симоис, благие Приамидам!
Отчизна, Илион, холмы, луга, пути,
Мне ни себя, ни вас не удалось спасти!
Что ж! Увлекаема судьбою неборной,
Пойду вещать туда, в обитель Ночи черной;
Живые не хотят, поверят Тени мне!
Я понесу твой жезл к подземной глубине,
Ты, что любил меня, о, Феб золотоголавый!
В их восхищенный сонм войду с твоею славой.
Пора! Вот день и час, вот лезвее и дом,
И дух мой отлетит, пылая Божеством!

Эврибат

Да, правда, женщина, я этого не скрою,
Земля наполнилась печальной молвою.
Да, прежде этот дом немало видел зла,
Он слышал царский плач, в нем кровь Царей текла;
Но эти бедствия да сменит мир великий.

Талфибий

Без страха отдохни у очагов Владыки.
Отец мой мертв, сожжен твой город, ты сама
Познала, вольная, позорный гнет ярма;
Всесильны темные судьбы предначертанья,
И человек рожден для скорби и страданья.
Лишь Боги счастливы всегда. Но знай, что дни
Твои священны нам. Не бойся, отдохни.

Касандра

Безумные! и вы поверить не хотите!
Вы слышите? Растет далекий вопль. Глядите!
О, этот долгий лай! Вот, вот, оне бегут,
Собаки, распознав, что скоро здесь умрут,
Уроды, что спешат на сдавленные крики,
Старухи тощие, Эриний бледных лики,
Пронюхавших наш путь среди полночных гор!
Сюда, зловещий сброд, гнуснейшая из свор,
Ты, что везде снуешь и лижешь, долго воя,
Всегда горячий след давнишнего убоя!

oo

Сюда! Под топором издаст последний крик,
Простертый в бане, Царь, который был велик
Победным мужеством и обратил в пустыню
Твою, мой Илион, зубчатую твердыню!
Смотрите, ты, отец, вы, братья, весь народ,
И будьте веселы: расплата настает.
А! Вождь божественный, испепелитель градов,
Тебя опутали коварство лъстивых взглядов,
Приветное лицо, лукавый рот, рука,
Что гладит ласково и режет, как быка!

Эврибат

Несчастливая, молчи! Ты страшное сказала.

Талфибий

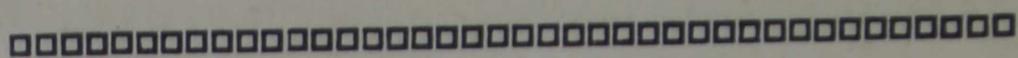
Свои пророчества ты просевай сначала
Сквозь сито, вещая! иль закуси кулак.

Касандра

Что ж, можете меня не слушать, если так.
А ты, чей взор в мой взор льет золотую ласку,
Возьми назад свой жезл, возьми свою повязку,
Божественный Стрелец!

(Она бросает свой жезл и срывает с себя повязки).

Я чую смерти дрожь,
Мою живую плоть укусит жадный нож,

И скоро я пройду лугами асфodelей
Среди родных Теней в Аидовом пределе!
Но Мститель явится. Он вступит в этот дом,
Тот, кто вспоен твоим, Царица, молоком,
Бродяга, вскормленный неуголимой злобой,
Ребенок, зачатый чудовишной утробой,
Убийца матери, презрен самим собой,
Всегда бичуемый неистовой судьбой!
Вяжите же меня, одним кончайте взмахом!
Пусть, наконец, усну!

(Хочет войти во дворец и от-
ступает).

О, сердце дышит страхом!
Вот медь впивается в мою гортань, и вот
Из тела моего вся кровь наружу бьет!
Мне страшно, старцы! Я боюсь! Туман ложится
Мне на глаза, и пот со лба ручьем струится.

Эврибат

Раз это правда, не входи, беги! Твой след
Мы заметем. Беги из Аргоса прочь!

Касандра

Нет!

Нет, я должна войти, чтоб Сука с лживым взглядом
С немym Хозяином меня простерла рядом.

oo

Лишь трусу запрещен почетный, высший путь
Презреньем встретить смерть. Иду!.. И проклят будь,
Дворец, кровавый лог, зловещая обитель
Убийств, где сын убьет, как встарь убил родитель,
Гнездо стервятников, что через силу жрут!
Во имя ложных клятв, произнесенных тут,
И мщенья гнусного, и мерзостного брашна,
Во имя Хитрости, следящей зло и страшно,
Во имя Пропасти, куда сорвемся мы,
Во имя ужасов и завыванья тьмы,
Во имя стона бездн, что слышит кровь, хладея,
Во имя Демонов, грызущих след злодея,
Во имя Родины, сметенной с высоты,
На веки вечные будь проклят! Проклят ты!

(Входит во дворец).

VIII

ТЕ ЖЕ, ХОР СТАРЦЕВ

Талфибий

Да явит Зевс тщету глаголов бессердечных!

Эврибат

Увы! таков удел людей недолговечных —
Итти, теряя путь, сквозь сумрачную тень
На меркнувший вдали невозвратимый день!

Талфибий

Кто может на земле себя назвать счастливым?

Эврибат

Как воды пенные, влекомые отливом,
Скрываются из глаз за дальний небосвод,
То, что мы мним схватить, уже назад плывет.

Талфибий

Кто мог бы удержать рукою неprovорной
Рой легких мотыльков, кружащих ночью черной?

Эврибат

И кто, среди живых, остановить бы мог
Плачевных наших дней стремящийся поток?

Агамемнон (во дворце)

На помощь! Ранен я смертельно. Тут засада!
На помощь!

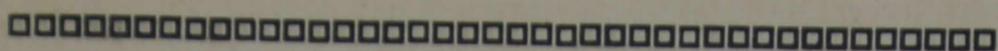
Талфибий

Что за крик зловещий!

Агамемнон

Стой, не надо!

Я умираю.

Эврибат

То Атрид! Сковала дрожь
Все тело мне. Скорей! В Царя всадили нож.

Талфибий

А я так думаю, что мы ему не нужны.
Чем можем мы помочь? Мы дряхлы, безоружны.
Да и отважнейший, и в мощи юных лет
Не возвратил бы жизнь тому, кого уж нет.

Эврибат

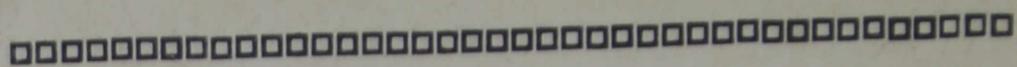
О, юной пленницы пророческое слово!

IX

ТЕ ЖЕ, КЛИТЕМНЕСТРА

Клитемнестра (Ее одежда запятнана
кровью. В руке у нее
топор).

Я, это я его убила! Я! Готово!
А! как давно уже мне снился этот час!
Как медленно шли дни во сне! На этот раз
Я бодрствую, не сплю! Мои вкусили руки,
Как жертва корчится и бьется в смертной муке,
Запутавшись в сетях, что я плела года.

И Боги, может быть, не знали никогда,
Как был мне мерзостен, как ненавистен взорам
Он, этот человек, что стал моим позором!
Три раза бил топор, а он ревел, как бык,
Три раза кровь его, как хлещущий родник,
Мне платье обдала росой невыразимой,
Для сердца сладостней, чем для земли томимой
Твой свежий дождь, о Зевс, по знойном летнем дне!

Т а л ф и б и й

Я смелости дивлюсь, но ты ужасна мне.

К л и т е м н е с т р а

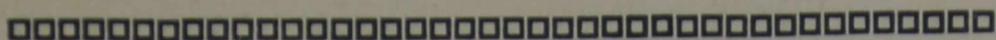
Хвала мне не нужна, хула меня не ранит.
Был верен мой удар. Зверь умер и не встанет.

Э в р и б а т

О женщина, какой подземный черный яд,
Какой проклятый плод сухих и мертвых гряд
Тебе разъели рот и кровь? Какая сила
Тебя чудовищной отвагой наделила
Супруга зарубить вот этою рукой?
И что ты сделала Богам, чтоб стать такой?

К л и т е м н е с т р а

Спокойно в подвиге я приношу сознание.
Он праведен! Я им горжусь.

Т а л ф и б и й

О злодеянье!

Да ведь увидев кровь, которой ты горда,
Тебя из Аргоса прогонят навсегда.
Презренная людьми, не ведая покоя,
Как тварь нечистая, ты будешь рыскать, воя,
И будет страх тебя стеречь со всех сторон,
И камни вопиять тебе вослед!

К л и т е м н е с т р а

А он!

Он, что, свирепее, увы! чем волк голодный,
Кровь дочери моей излил в песок бесплодный,
Той, что я зачала и берегла в тиши,
Навек померкшую зарю моей души,
Честь, радость очага! кровь дочери, лежавшей
На страшном алтаре и к матери взывавшей,
В то время, как палач вручал, не дрогнув сам,
Ком сердца бьющийся смятенным Небесам!
Что ж, он, отец, отцов чудовищных созданье,
Из дома древнего он не пошел в изгнанье,
И камни беглецу не вопияли вслед!
Чтоб эту голову я пощадила? Нет!
Чтоб он, прославленный, гордящийся громадой
Сокровищ, счастливый, почтенный всей Элладой,
Он, поношение моих сокрытых слез,
Победное чело до склона дней пронес,

oo

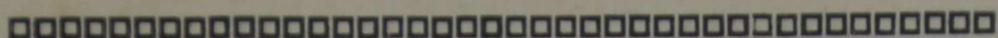
И чтобы весь народ, скорбя о тени славной,
Нетленным золотом прах обомкнул державный?
Нет! Я не допущу, чтоб ктонибудь простер
Его на пурпуре, венчающем костер!
Не будет плакальщиц над бездыханным телом!
Пусть бросят их тела зверям остервенелым,
Орлам, слетающим на запах с дальних круч,
Псам, если этот кус не слишком уж вонюч!
Да! я желаю так: пусть рядом лягут двое,
И эта Варварка, и укротитель Трои,
Она, пророчица, и он, любовник, с ней
На ложе брачное из грязи и камней!

Эврибат

Двоих убила ты!

Клитемнестра

Чего б я медлить стала?
Со спелым колосом я вместе плел сжала.
Его друзья, все те, с кем разделял он гнет
Своей вины, мертвы. Но для иных забот,
Чем неразумный страх толпы многоголовой,
О старцы, надлежит теперь мне быть готовой.
Ступайте объявить, собравши весь народ,
Что ныне бодрый вождь державный жезл берет,
Фиеста сын! Его люблю я!

Талфибий

Боги! Гея!

Мы будем попраны ногой прелюбодея!
Ты Аргос осквернишь позорною судьбой,
Жена?

Эврибат

Но юноша, что продан был тобой,
Сын славного отца и матери презренной,
Орест жив!

Клитемнестра

Пусть живет, пусть искупает, пленный,
Пятно рождения от своего отца!
Пускай растет вдали от нашего лица,
Чужой, без имени. Счастлив, что видит небо.
Изгнание тяжело? Тяжеле мрак Эреба.

Талфибий

Убить свое дитя? О, Боги в вышине!

Клитемнестра

Отец убил же дочь! Он ненавистен мне.
Я ненавижу все, что Царь любил: Элладу,
Высокий Аргос, свет, его сиявший взгляду,
Его назвавший рот, тот воздух, что он пил,
Дворец, что труп его навеки осквернил,

oo

Ступени, что ведут во глубь его покоев,
Доспех, им сорванный с поверженных героев,
И взятую в боях добычу без числа,
И то, что от него я в чреве понесла!

Эврибат

Бежим! Кричим, что Царь убит. Пусть все восстанут!

Талфибий

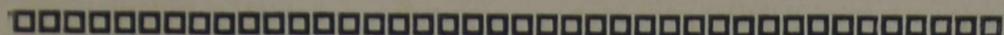
Пусть обнажат мечи, пусть топоры достанут
И тащат за ноги тиранна из сеней!
Что скоро сделано, друзья, всего верней.

Эврибат

Идем! Пускай народ, неистовством объятый,
Толпою ринется в зловещие палаты.
Скорее!

Клитемнестра

Старики, все кончено уже.
Испуг у всех дверей стоит настороже.
Уже Фиестов сын, чей дротик быстр и светел,
Разинутые рты безмолвием отметил.
Молчите! А не то, клянусь подземной Тьмой,
Клянусь вам участью покаранного мной,
Не пощадив седин, не вняв слезе напрасной,
Безжалостная медь упьется кровью красной:
Вы все умрете, все! В том клятву я дала.

Т а л ф и б и й

Царица, речь твоя неслыханно смела.
Но есть рука Богов над головой греховной!

Э в р и б а т

И если над тобой ударит гром верховный,
И если казнь твоя измерится виной,
То вспомни, женщина!

К л и т е м н е с т р а

Мне отвечать одной.
Мысль ваша праздными заботами повита.
Идите!

(Старцы уходят).

Х

К Л И Т Е М Н Е С Т Р А

К л и т е м н е с т р а (одна).

Я люблю, я царствую! и смыта
Кровь Ифигении! Теперь пусть грянет гром:
Я жду его, одна, с возвышенным челом!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

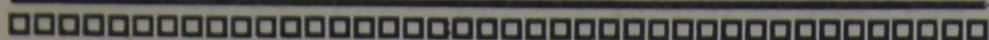
О Р Е С Т

А.А.

Эскиз декорации второй части

Слева — Пелопов дворец. Справа — деревья и скалы. В глубине сцены — обнаженный курган, а за ним Аргосская равнина. Хоефоры, неся чаши для возлияний и надгробные венки, выходят из дворца и располагаются двумя полухорами по обе стороны кургана.

I

КАЛЛИРОЯ, ИСМЕНА, ХОР ХОЕФОР

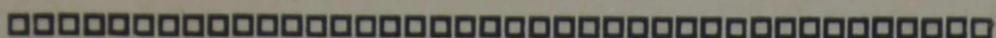
Каллироя

Сюда, на этот холм, сынам Эллады милый,
Опустим возле чаш убор цветов унылый.
Дары надгробные умерших веселят.

(Оне ставят чаши и кладут венки).

Творя по старине уставленный обряд,
Электра, лоб обвив повязкою двойною,
Прольет кратер вина почившему герою
И воззовет к нему в бессолнечный Аид.
Так медносердая Владычица велит.
Ей сходят страшные виденья к изголовью:
Рассказывают, Царь с лицом, залитым кровью,

Исмена

Что ж! Над добычею, огонь меча глазами,
Взбесившиеся псы перегрызутся сами!
Наш город, наш народ, убитые сыны,
Супруги, и отцы, и братья отмщены:
Нет Трои! Победив, пускай умрет Эллада!

Каллироя

О женщины, с Судьбой соперничать не надо:
Не будем отягчать всех этих бед кругом
Сердец разгневанных злорадным торжеством.
Да не предаст и раб свои уста злословью.

Исмена

Электре за любовь мы платим все любовью.
Невинная в слезах, что льем мы день и ночь,
Она одна всегда старалась нам помочь.
Идет! Пусть лучший день ее обвеет светом!

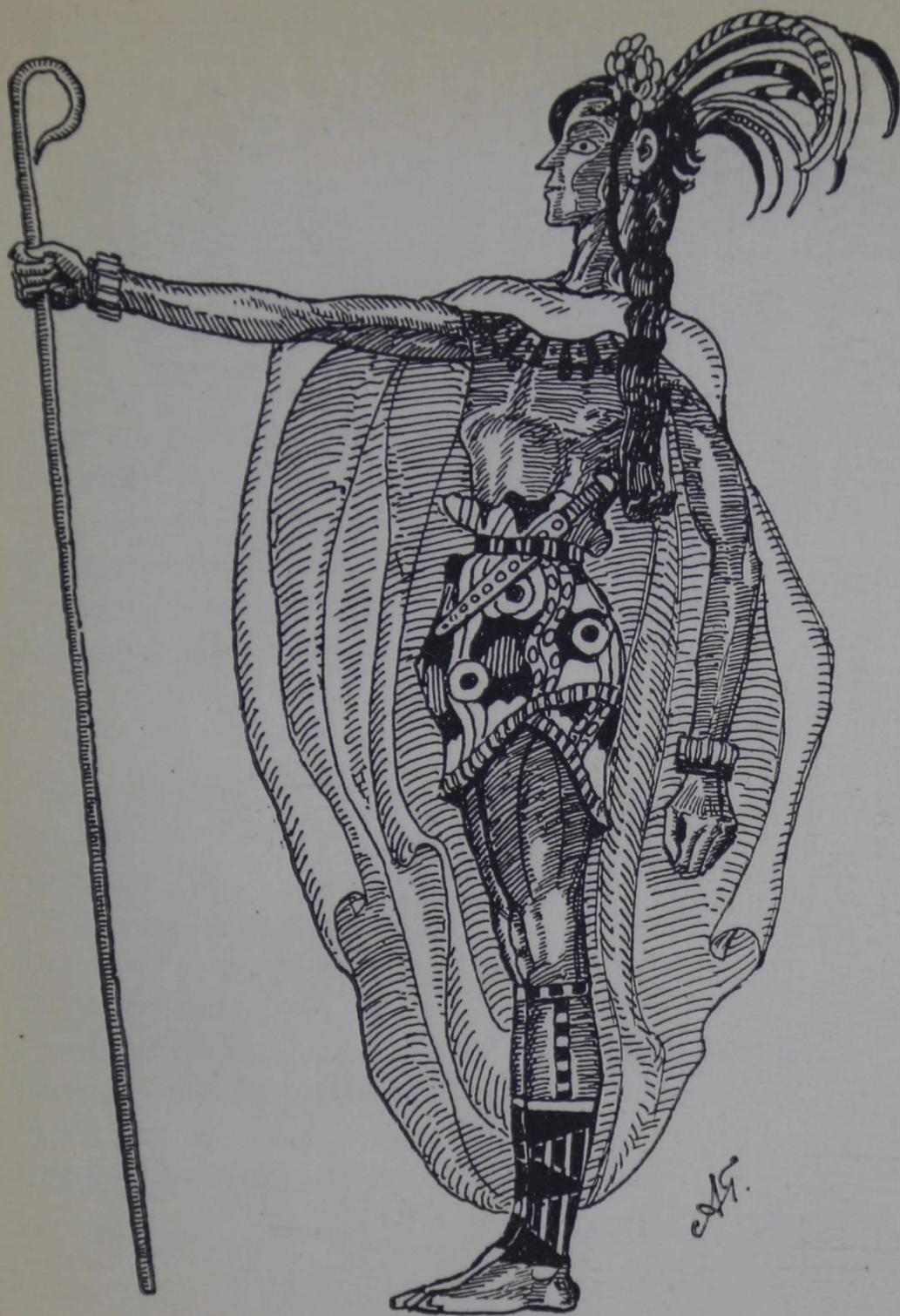
II

ТЕ ЖЕ, ЭЛЕКТРА

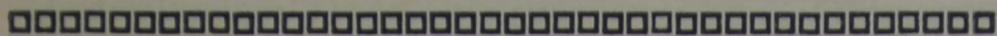
Электра

Служанки, милые моим незрелым летам,
Подайте мне совет в смятении моем.
Над этим столько раз оплаканным холмом,

Эскиз костюма Ореста

Электра (берет чашу и приближается
к могиле)

Гермес! взлетающий в лазоревом пределе
От Луга бледного, где зреют асфодели,
До золотых дворов Властителей Небес,
Прими кратер вина ты, прежде всех, Гермес!

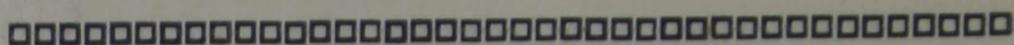
(Она совершает возлияние).

Владыки мощные, Цари земных владений,
Сидящие вдвоем в их заповедной тени,
Ты, страшный Бог, и ты, растящая траву,
Богиня! к вам в тоске и в скорби я зову:
Пусть в этот час Атрид, бродящий по Аиду,
Услышит дочери покинутой обиду!

(Она совершает второе воз-
лияние).

Теперь, о, мой отец, услышь меня и ты,
Взгляни на дочь свою из вечной Темноты!
Твой сын живет рабом, а я томлюсь, рыдая!
Твой дом, твое добро в руках у негодяя,
Ему — твой царский жезл, твоя постель — ему!
Отец, ты внимлешь ли моленную моему?
Приди, приди! Хвалясь убийством гнусным вволю,
Мать ненавидит нас и грабит нашу долю.
Родитель! не щади нечистого гнезда,
Пошли Отмстителя бесчестья и стыда!

(Она совершает третье возли-
яние. — Орест выходит из распе-
лины скал).

III

ТЕ ЖЕ, ОРЕСТ

Орест

О девушка, тебе благие Боги внемлют!
Уже ночную твердь лучи зари объемлют,
Смолкает гнев морей, и ветер стих окрест.

Электра

Что надобно тебе, Пришелец?

Орест

Жив Орест.

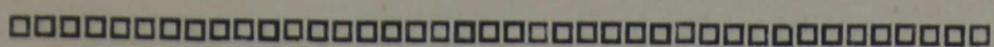
Он близок, он идет. — Молчи, коль любишь брата!
Не дрогнет сердце в нем, в его руке расплата:
Твой стыд и кровь отца зараз искупит меч.

Электра

О, сердцу сладкая, божественная речь!
Орест жив?

Орест

Женщина, он жив. Уж он в дороге.

Электра

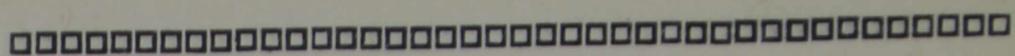
От роковой четы его да скроют Боги!
Но, Странник, почему ты говоришь мне так?
То правда ль? Я дрожу, перед глазами мрак.
Иль шутишь ты, веля мне ждать его прихода?
Орест! Единственный оплот, надежда рода!
Он дышит? О, мой взор померкший, подожди!
Увидеть, умереть на дорогой груди!

Орест

Электра, это я! Я брат твой. Слышат Боги!
Не ведай ни на миг сомненья и тревоги:
Узнай меня, я брат твой! Небо видит нас!
Верь радостным слезам моих счастливых глаз,
Верь сердца голосу. Одной живем мы кровью.
Ты ждешь меня давно. К тебе я шел с любовью!
О, будьте, вечные Владыки горних стран,
Мои свидетели! И ты, святой курган,
И ты, старинный дом отцов! седые скалы,
Деревья, в чьей тени я отдыхал, усталый,
Земля родимая, священная втройне,
Все говорите! Все свидетельствуйте мне,
Что брат Электры жив, что это он пред нею!

Электра

Да, милый, это ты! Я сердцу верить смею!
Тобой был ясен день, тобою ночь светла!
Я не надеялась и все таки ждала!

Я узнаю тебя! В душе твой образ милый
Давно угасшие воспламеняет силы,
О, друг оплаканный! Я улыбнусь судьбе,
Я буду счастлива. Я вновь найду в тебе
Отца убитого, сестру, что взята Роком,
И мать, что на меня глядит недобрым оком.
Приди мне заменить родимые сердца,
О, милый брат, и будь мне верен до конца!

Орест

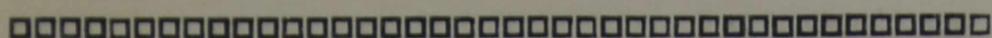
Ничто не разобьет любви детей Атрида:
Отныне я с тобой, до самых врат Аида.

Электра

Из тьмы изгнания, скажи, какой же Бог,
Какой оракул, друг, тебе прийти помог?
Ты знаешь? Человек неправедный и темный
Здесь нашей тешится тоской, казной огромной,
Женой изменницей и попранной страной!
Будь зорок, здесь Эгисф! — Ты слышал, брат родной,
Ты знаешь черные нахлынувшие беды,
Смерть твоего отца в день торжества победы,
Кровь на руках жены, ее бесстыдный блуд?

Орест

Я жил униженный, свершая рабий труд,
Строптивую главу клоня под иго злое;
Но в одиночестве мне помнилось былое,

Так много: дивный муж, спокоен и высок,
С глазами гордыми; потом, живой поток
Слуг, меж которыми я рос, повелевая;
Рабыни, жертвенник, обитель вековая,
Забавы детские, и свет зари, и ночь;
И мрак, и темный воз, меня стремящий прочь;
И брань, и свист бича, и ложе у гноища,
Муть дождевой воды и мерзостная пища;
И в сердце, день за днем, неутолимый сон
О том, что призванным к свободе я рожден!
Я вырос, я узнал, чем вознеслись герои:
В полночном сумраке пожар высокой Трои,
Торжественный возврат, и роковой конец,
И чья в Оресте кровь, и кто его отец!
Каким огнем восторг мне пронизал все жилы!
Как цепь я раздробил, стряхнул ярем постылый,
И, в упоении к лазури вопия,
К святому Аргосу как устремился я!

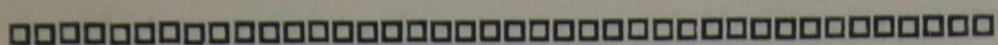
Электра

Сын мертвого бойца, страшись своей родимой!
Она пылает к нам враждой непобедимой.
Мой крик, мои мольбы тебя не защитят:
Едва опознанный, ты ляжешь мертвым, брат!

Орест

Не бойся. Добрый Бог, хранив меня в дороге,
Им отведет глаза и в самой их берлоге.

Из цельных дров костер с торжественною славой
Не сжег твоих костей и плоти величавой;
Под гул морских валов на твой священный прах
Не лег огромный холм, чернея в небесах.
Нет! Как быка, петлей обмотанного твердой,
С глазами мутными, с окровавленной мордой,
Тебя зарезали, державный Вождь племен!
Утешься, мой отец: ты будешь отомщен!

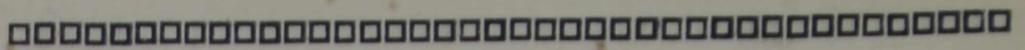
(Он совершает возлияние).

Каллироя

Ах, милосердие, как чистый снег нагорный:
Сияя белизной бессмертно-благотворной,
Оно — премудрый свет отмеченных сердец;
Но если кровь его коснется, то конец:
Пятно ползет, грызет и точит снег алмазный,
Пока не рухнет он трясинной безобразной.
О, гневный юноша, пусть Боги правят суд!

Исмена

Нет! Дни грядущие из прошлого растут;
И роду темному велит закон суровый
За пролитую кровь платиться кровью новой;
Злодей не избежит содеянного зла,
И каждая вина виною тяжела.
Что милосердие пред роковым Уставом?
Мсти за отца, мой друг, ты призван высшим правом.

Электра

От страха у меня захолонула грудь!
Из глубины земли, отец, внуши нам путь!

Орест

Они уж взвешены тем, кто их судит свыше.
Что будет, будет. Все предрешено.

(Клитемнестра появляется под
портиком. Орест замечает ее).

А! Тише!

Идут. Смотри, сестра! Вон там стоит жена,
Большая, бледная, как Смерть. О, кто она,
Как имя ей? Ответь сестра. Ее не зная,
Весь содрогнулся я.

Электра

То мать твоя родная!

IV

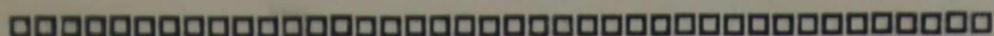
ТЕ ЖЕ, КЛИТЕМНЕСТРА

Клитемнестра (Электре)

Он — вестник?

Электра

Это он.

Клитемнестра

Да, этот самый взор
Мне снился! На меня он смотрит, точно вор.
Какойнибудь беглец, гонимый страхом или
Стыдом. — Поди сюда, Пришелец. Говорили,
Ты вести нам принес о смерти. Ты не лжешь?
Я Клитемнестра. Все мне расскажи. Ну, что ж?

Орест

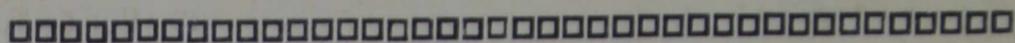
Царица, тяжело, да и умно едва ли
Являться вестником утраты и печали;
Легко ли, повстречав радушные сердца,
Им говорить про смерть на ступенях крыльца;
Но думается мне, как ни плачевна повесть,
Раз дело важное, сказать велит мне совесть.

Клитемнестра

Разумна речь твоя. И ты не бойся нас:
Ведь мы бы от других узнали все в свой час.
Не хуже, чем иной, ты будешь принят нами.

Орест

Владычица, я шел скалистыми горами,
В Фокиде, около Давлиды. Меркнул свет,
Когда какой то муж, с клюкой, согбен и сед,
Ко мне, передохнуть, подсел окрай дороги.
И говорил он так: „Мне помогают Боги,

„Раз к стенам Аргоса ты направляешь путь.
„Мне имя Строфий. Я Давлиец. Не забудь,
„Смотри, прозвания, чтобы поверил каждый;
„Кто верит слепо, тот бывает не однажды
„Обманут, а потом уж не поправишь лжи.
„Ступай. Родителям Ореста расскажи,
„Что умер он, что прах сложил я в урне медной.
„Спроси у матери, хранящей дом наследный,
„Ей урну передать иль схоронить у нас.
„Скажи, что в точности я соблюду приказ“.
Царица, так сказал мне старец. Только эти
Слова и передал. Я завтра на рассвете
Иду в обратный путь. Какой мне дать ответ?
Что урну с прахом ты велишь доставить?

Клитемнестра

Нет.

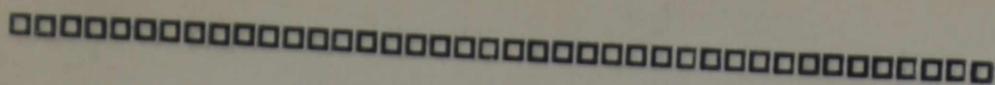
Пусть держит у себя, пусть там и похоронит.

Электра

О, род отверженный, тебя проклятье гонит!
Мой брат, последняя надежда! Ты угас!

Клитемнестра

Какая польза нам от этих мокрых глаз?
От крика мертвые не встанут.

Электра

Ненаглядный!

Один и тот же вихрь уносит, беспощадный,
И сына бедного, и мощного отца.
Нет брата!

Клитемнестра

Перестань! Что хныкать без конца!
Ты для самой себя поберегла бы слезы!

Электра

Над нашей головой собравшиеся грозы,
Последний ль это гром?

Клитемнестра

Нет, коль не смолкнешь ты.

Электра

Изгнанник и живой, и в царстве темноты,
Ты спишь в чужой земле, навек в разлуке с нами:
Я твой холодный прах не орошу слезами!

Клитемнестра

Все, что сказала я, обдумай и усвой.
Советую тебе. — А ты ступай за мной,
Пришлец. Пусть Господин твое услышит слово.
Нельзя откладывать известия такого.

(Электре и Хоефорам).

oo

Вы, женщины, и ты, пролейте ток вина
На этот холм опять, да будет смирена
Разгневанная Тень напевом сладкогласным,
И снова сон сойдет к моим ночам ужасным!

(Она идет во дворец, за нею
Орест).

V

ЭЛЕКТРА, КАЛЛИРОЯ, ИСМЕНА, ХОР ХОЕФОР

Каллироя

Как не смогла она узнать свое дитя!

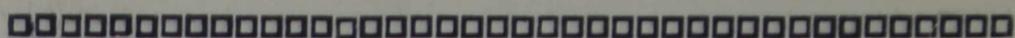
Исмена

Бог оберег его, незримо защита.
Потом, так хорошо, устав от долгих бдений,
Не чують более таинственных видений
Во мраке за собой, и новую зарю
Встречать уверенно, и ночь. Я говорю:
Она поверила, они попались оба!

Электра

Опять томление, и вечный страх, и злоба!
Безрадостный закат, безрадостный восход!
До смерти, день за днем, жестокий путь ведет!
Зевс, что мы сделали, чтоб несть мученья эти?
Чем прегрешила я, пока живу на свете?

Электра

Беспомощен, один,
Он бьется против всех!

Исмена

Нет! В черную обитель
За ним соратником вступил его родитель!

Электра

О, Царь мужей, пора! Восстань от сна, Герой!
Предшествуй юноше, идущему на бой;
Будь в сердце у него, крепи его удары,
Отец! да не уйдет от беспощадной кары
Тот, кто украл твой жезл и осквернил твой дом,
Кто столь нечист, что Зевс в него не вергнет гром!

Каллироя

А мать?

Электра

О Боги! Что? Да, что о ней мы скажем?

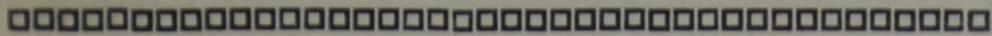
Исмена

Скажу лишь, что Аид всегда был верным стражем!

(Во дворце слышатся крики.
По сцене пробегает слуга).

Эскиз костюма старца

VI

ТЕ ЖЕ, СЛУГА

Слуга

На помощь! Вождь убит! Эй, все сюда! Скорей!
Беречь Владычицу и стать у всех дверей!
Несчастье! для него уж поздно бить тревогу...
Фиестов сын убит! Сюда все! На подмогу!

(Он удаляется направо).

VII

ЭЛЕКТРА, КАЛЛИРОЯ, ИСМЕНА, ХОР ХОЕФОР

Каллироя

Твой безупречный брат убил злодея!

Исмена

Так!

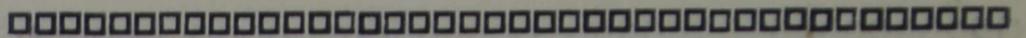
Пусть он разит еще, и кто бы ни был враг!

Электра

О Зевс! храни его в час рокового боя!
Я не переживу.

Каллироя

Зевс! будь вождем героя.

Исмена

Он должен до конца кровавый путь пройти!
Он мертв, коль отступил иль дрогнул на пути.

(Снова слышатся крики).

Электра

О Боги! снова крик.

Каллироя

И горестью, и страхом

Он напоен.

Исмена

А! а! любовница над прахом
Любовника скорбит и сетует.

(Клитемнестра, бледная и взволнованная, появляется под портиком).

Электра

Она!

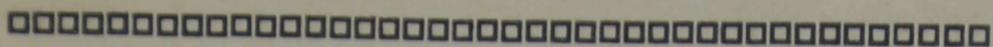
Каллироя

В расширенных глазах какая ночь видна!

Исмена

Ей слышно, как идут таинственные Оры,
И в смертном ужасе остановились взоры!

(Электра и Хоефоры убегают).

VIII

КЛИТЕМНЕСТРА

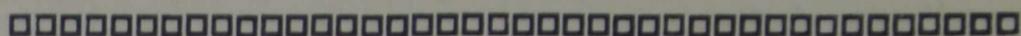
Клитемнестра (Она ходит, растерянная, туда и сюда).

Я убежала, да! Кто знал, что он убьет
Царя? Кто он такой? На мне холодный пот.
Он дивно смел иль нас он оковал, колдуя!
Вхожу, он следом. „Вот Властитель“, говорю я.
Он на пороге стал, смиренный и простой.
Его Фиестов сын встречает с добротой:
„Не бойся нас, Пришлец. Тебе да внемлют Боги!
„Ты в благосклонный час вступил в мои чертоги“.
Тот входит, ту же речь, что мне, ведет Царю.
Подходит ближе, вдруг кидается, смотрю,
И разом длинный нож Вождю вонзает в шею!
Кричу. Вбегает раб. Чем броситься к злодею,
Он, с воплем, прочь... А тот разит опять, опять.
А я бегу сюда, чтоб только не видать!
Зачем бежала я? И не кричала даже?

(Она возвращается к портику,
крича).

Эй, люди, все ко мне! Хватайте, бейте, стражи,
Пришельца! Царь убит! На помощь все! Беда!
Убейте этого бродягу!

(Орест выходит из под портика,
с ножом в руке).

IX

КЛИТЕМНЕСТРА, ОРЕСТ

Орест

Стой, куда!

Молчи, дохнуть не смей! Попалась, что? Ни шага!
Теперь твой час. Меня ты выслушай.

Клитемнестра

Бродяга

Несчастный, что тебе? Что ты грозишь, как враг?
Тебя не знаю я.

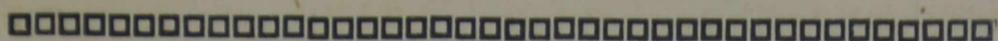
Орест

Ты не сжимай кулак:

Ты лучше стиснула бы зубы, да открыла
Пошире уши. Стой и слушай. Ты спросила,
Кто я! Ты ничего не чувствуешь, твоя
Душа попрежнему железная? Так. Я
Твой сын!

Клитемнестра

Мой умер сын, молчи! В нечистой злобе
Глумишься ты.

Орест

Меня носила ты в утробе.
Каков бы ни был он, тебе не оттолкнуть
Ребенка. Это я. Ты мне давала грудь,
Качала на руках, тебя я звал родимой!
О, память милая поры невозвратимой!
Ты улыбалась мне, прижав к своей груди!

Клитемнестра

Не может быть! И ты не лжешь?

Орест

Не подходи,
Не то без дальних слов убью тебя на месте.
Так слушай сына, мать, пример любви и чести!
Ты, в поношенье тем, чья кровь во мне течет,
Все у меня взяла, дом, имя, мой народ,
Свободу, наших душ священнейшую долю!
Да, чтобы до конца свою насытить волю,
Меня ты продала, меня твоя рука
Из колыбели в грязь швырнула, как щенка!
Я гнулся под бичом, мои болели кости,
Я небо оглашал протяжным криком злости,
И проклял я глухих Богов, и мрак, и свет,
И хоть я мало жил, я прожил сотню лет!
Но пусть! Мне все равно. Все слезы униженья,
Твою вражду, мои несчетные мученья,

Клитемнестра

Не я, Эриния, что гонит род проклятый,
Наш Демон роковой и злобный без конца,
Направила топор на твоего отца.
Она сломила мощь моей души упорной
И бросила меня в объятия страсти черной.
Она, не я! Дитя, чему могло помочь
Убийство? Разве я не в ранах день и ночь?
Ответь, дом, ты меня видал во мраке ночи!
И ты, ужасный гость, мне изглодавший очи,
Видение вождя, Супруга бледный лик,
Ответь! — Мое дитя, молю, услышь мой крик!
Не убивай меня!

Орест

Ты кончила?

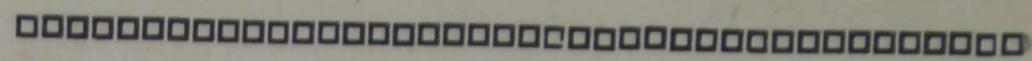
Клитемнестра

Не трогай!

О горе, если ты пойдешь своей дорогой!
Страшись услышать лай бегущих за тобой
Аидовых Теней! Мой милый сын, постой!
Ты не свершишь того, что было только словом...
Дай мне состариться под нашим древним кровом!

Орест

Тебе! жить здесь, тебе! Чтобы пятнать стыдом
Богов, родной народ, потомков, предков, дом!

Нет, ты умрешь! К чему борьба с неотвратимым?
Идем! я уложу тебя с твоим любимым,
Который там, как пес, валяется в крови.
На веки вечные дели с ним одр любви.
Ты с ним была нежна, тебя он ждет на ложе,
В его объятиях ты будешь мертвой тоже!
Скорее, женщина, скорей! Не то возьму
Тебя я за ноги и сволоку к нему!

Клитемнестра

О Боги! Дочь моя! Помилуй, миг единый,
Мой сын!

Орест

Я глух и нем.

Клитемнестра

Чудовище! Змеиный
Род! Да, я бы ничем растрогать не могла
Его суровый дух и твердый, как скала.
Пусть, будет. Ни о чем я не прошу отныне...
Несчастный! я тебя отдам во власть Эриний,
Моих Собак! Тебя я казни предаю —
Пить, в ночи ужаса, кровь теплую мою,
С утра до вечера с собою слышать рядом
Хрипенье матери и всюду с диким взглядом
Скитаться, проклятый, запуганный беглец!
Стой! погоди. Дай мне сказать. Сейчас конец.

oo

Ты должен все узнать. Пусть сердцу станет больно,
Пусть ярость возрастет... Да, мерзкий, я довольна:
Мне дорог встретивший смерть от твоей руки!
Царя убила я и тело на куски
Изрезала! Но есть и у меня кручина:
Я, зарубив отца, не истребила сына!

Орест (бросается на нее и убивает)

Вот! На тебе! Умри! Довольно этой лжи!

Клитемнестра (отступает, шатаясь)

А!.. Ты меня убил...

(Она падает. — Приподымаясь:

Будь проклят!

(Она падает мертвой).

Орест

Ну, лежи!

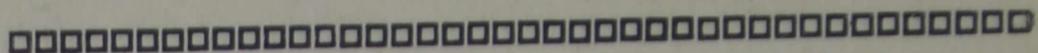
Ты воздух пачкала, которым дышат мужи.

Х

ОРЕСТ, ТРУП КЛИТЕМНЕСТРЫ, ЭЛЕКТРА

Электра

Брат, что ты сделал, брат! Твое злодейство хуже
Всех дел ее... Она ведь мать тебе!

Орест

Ее

Жалеешь ты?

Электра

О скорбь! Мне дорого твое
Лицо и страшно, брат! Судья лишь Бог блаженный
Над этой головой, ужасной и священной!
Увы! ты эту кровь не смоешь никогда!
Брат, отчего ты не простил? Беда, беда!
Ведь это мать твоя была!

(Электра покрывает голову и
убегает).

XI

ОРЕСТ, ТРУП КЛИТЕМНЕСТРЫ,
ПОТОМ ЭРИНИИ

Орест

Что мне за дело?

Я искупил свой род, гадюка околела.
Всех отравлял ее укус. Она шутя
Зарезала отца и продала дитя...
Теперь она тиха, тревожиться не надо.
От праведных Богов мне суждена награда.

(Он глядит на труп).

Какая рослая! Как будто слышит... Нет!
Я в сердце нож всадил. Вот доброй мести след.

Эскиз костюма Эринии

oo

Суд совершен. За зло пусть платится неправый.
Они сидели здесь, гордясь своей державой
И кровью на руках, с улыбкой говоря:
„Все наше: и престол, и светлый жезл Царя,
„И Пелопов дворец! Под сенью древних сводов
„Мы Судьи Аргоса и пастыри народов;
„Мы будем жить вдвоем для власти и любви“.
А я пришел, сразил, они лежат в крови!
Теперь от этих тел я дом и двор очищу:
Ее — огням костра, его — собакам в пищу.
Сойдутся завтра все на Агора. И вот
Отцовский старый жезл в моей руке блеснет;
Средь доблестных Вождей воссяду я, подобный
Богам; и, словно шум морей о камень дробный,
Эллада про меня возговорит: „Добро.
„Он за отца отмстил и взял свое добро!“

(Он глядит на труп).

Пора бы опустить запекшиеся веки,
Мертвец! Чего тебе? Я не смущусь вовеки,
Я не боюсь. Я взял положенную дань.
Довольно! Не гляди так тупо! Перестань!
Тебя, и все твое, и все мои мученья
Я, как недобрый сон, зарюю в прах забвенья.
Зачем твой взгляд за мной так пристально следит?
Брось! На меня смотреть не смей, смотри в Аид!

(Он покрывает ей лицо краем
пеплоса. — Протягивая руки к
могиле:)

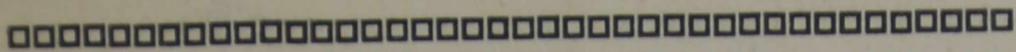
«ЭРИНИИ»

(ПРОЕКТ ПОСТАНОВКИ)

В 1872 году Леконт де Лиль издал свой прозаический перевод трагедий Эсхила, а через год на сцене театра „Odéon“ была поставлена его трагедия „Эринии“ *), сюжет которой тождествен первым двум частям „Орестей“. Как видно, напряженному творчеству поэта предшествовала долгая и копотливая работа ученого исследователя. Сопоставление двух текстов приводит к выводу, что Леконт де Лиль взамен трагического мифа об Эриниях-Эвменидах дал лишь трагическую историю о том, как сын убил свою мать за то, что она убила его отца. Повидимому, считаясь с нашей измененной чувствительностью, автор „Эриний“ отдал решительное предпочтение слову перед музыкой и танцем, оставив в своей пьесе хор, лишь как элемент пластически-декоративный.

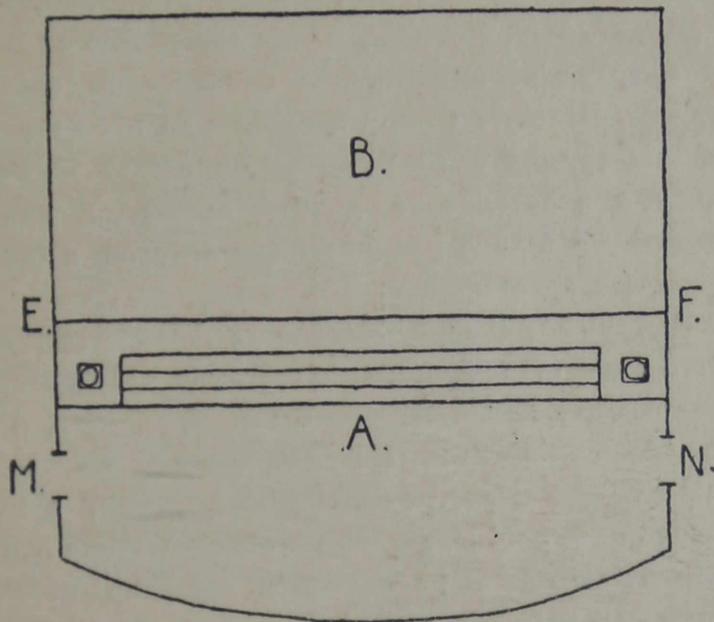
Тем не менее наличие хора в „Эриниях“, при постановке этой трагедии на сцене современного театра, требует некоторого изменения обычного театрального помещения, в большинстве случаев представляющего собою фотосценическую коробку. Противопоставление хора актерам как бы предопределяет парал-

*) В России „Эринии“ в первый раз были поставлены в Михайловском театре 25 сентября 1909 года. Из афиши первого спектакля: Агамемнон — Новинский; Орест — Владимиров; Тальфибиос — Павлов; Эврибатес — Борисов; Страж — Вертышев; Клитемнестра — Лачинова; Кассандра — Пушкарева; Каллироя — Вортынцева; Исмена — Рунич-Давыдова; Электра — Панчина. Режиссер — А. И. Долинов. Перевод трагедии — О. Чюминой. Танцы поставлены балетмейстером Н. Легат. Музыка П. П. Шенка. Декорации художника П. Б. Ламбина.

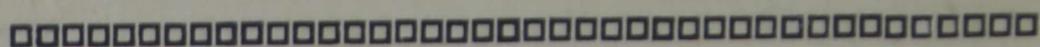
дельное существование двух сценических планов, являющихся отдаленным отзвуком оркестры и площадки перед *σκηνη* античного театра.

Технически это задание может быть выполнено на современной сцене упразднением переднего занавеса, вынесением вперед авансцены, стройкой на станках второй сцены и подвесом раздвижного занавеса.

Таким образом мы имеем: нижнюю, заканчивающуюся полукругом, сцену *A* с двумя боковыми выходами *M* и *N*; верхнюю сцену *B*; и лестницу *C*, соединяющую нижнюю сцену с верхней. *EF* — обозначает линию раздвижного занавеса.

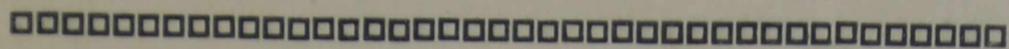
Сценическая ремарка имеет решающее значение для определения стиля и характера данного спектакля. Сценическая ремарка, определяя литературную школу драматурга, вместе с тем подсказывает метод сценического истолкования и точно разрешает вопрос декоративного убранства сценической площадки.

Лаконический язык ремарок французской классической трагедии („театр представляет дворец“) рассматривает декорацию, как почти декоративное панно, на фоне которого действуют актеры, преимущественно рассказывая о том, что совершается за сценой. И недаром современники эпохи Великого века определяли сценическую площадку, как *parloir*. Реформа романтического театра изменила и ремарку. В этом отношении точно так же примечательны ремарки к „Кромвелю“ Виктора Гюго, как и предисловие к нему, считающееся литературным манифестом романтической школы. Ремарка романтической драмы, вводя декорацию в непрерывный и тесный круг развертывающихся сценических событий, устанавливает непреложную связь декорации со всем происходящим на сцене. Декорация у романтиков, определяя место действия, вводит зрителя в настроение данной сцены. У них театральные аксессуары не только предмет игры актеров, а стержень для ряда возможных группировок.

Две подлинные ремарки Леконт де Лиля — „внешний портик древнего Пелопова дворца. Массивная архитектура. Призмистые конические колонны, без базы. В глубине, в просветах колоннады, Аргос“ и „слева Пелопов дворец. Справа — деревья и скалы. В глубине сцены — обнаженный курган, а за ним Аргосская равнина“ — устанавливающие определенную очерченность архитектурных линий и передающие характер пейзажа, дают возможность предполагать, что автор „Эриний“, работая над пьесой, видел ее постановку в средствах и приемах театральной романтической традиции. Недаром классик театральных фельетонов Франциск Сарсе в отчете газеты „Temps“ упрекал классика драматурга и художественных руководителей театра „Odéon“ в допущенной ими „дикости“ при постановке „Эриний“.

Авторские ремарки к „Эриниям“ дают указания на декоративное убранство верхней сцены. Планировка и разверстка *mise en scène* „Клитемнестры“ всецело основана на симметрии. При чем опорной точкой всей композиции служит колоннада внешнего портика с четным числом колонн, допускающим нечетное количество просветов. На фоне среднего из них всегда появ-

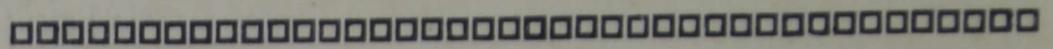

ляется Клитемнестра. Возможность боковых пролетов может быть устранена устройством системы ниспадающих драпировок, как бы образующих первую дугу на линии раздвижного занавеса. Во второй части трагедии, где ритм сценического действия не раз становится прерывистым, желаемая автором симметрия, намеченная им в ремарке, должна быть устранена путем преодоления схемы. В „Оресте“ большую часть верхней сцены слева должен занимать разрез лестницы, ведущей во дворец Клитемнестры. Этим как бы подчеркивается вся значительность сцены убийства. Могила Агамемнона — „обнаженный курган“ — должна находиться несколько правее, чем на то имеется указание в ремарке. Крайний правый план занимают скалы и деревья.

Обе части трагедии обрамлены молчаливым присутствием Эриний, появление которых на сцене в начале и в конце пьесы как бы образует две пантомимы. Темы этих пантомим довольно ясно намечены в ремарках указаниями самого Леконт де Лиль.

Фантастический элемент в театре допускает столько же возможных решений, сколько имеется пьес, где он встречается. Тем не менее различают две противоположных точки зрения по данному вопросу. Первая выделяет фантастический элемент из всего происходящего на сцене и рассматривает его, как результат действия какой то таинственной стихии, прибегая при этом в плане технического осуществления к грубой символике, часто переходящей в аллгорию. Вторая уравнивает фантастических действующих лиц с остальными, принимая тех и других за театральные персонажи, подчиненные одним и тем же законам театральности. Единственным отличием фантастических персонажей от прочих действующих лиц является особая костюмировка с ее наивной и наглядной для зрителя убедительностью.

Леконт де Лиль, как классик, чуждый призрачным и потусторонним настроениям, как француз, был скорее всего склонен рассматривать фантастический элемент, как декоративное начало, подчиненное строгому рисунку линий. К его характеристике Эриний: „высокие, бледные, тощие, в длинных белых одеждах,

со спадающими на лицо и на спину волосами" хочется прибавить лишь одну деталь костюмировки. Для бóльшей значительности и бóльшей выразительности движений исполнительницы Эриний обязаны быть в масках.

Ниже предлагается примерная планировка „Эриний“, где принято во внимание устройство сценической площадки, указанное на чертеже.

ПРОЛОГ (первая пантомима).

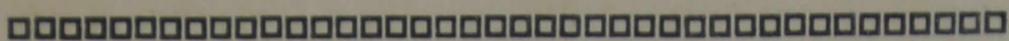
После музыкального вступления из ряда люков нижней сцены медленно, протягивая руки вверх, вырастают разъединенные фигуры Эриний. Оне в молчаливой напряженности лицом к зрителям поднимаются по лестнице. Раздвигается задний занавес. Начинает светать. Очертания Эриний теряются в просвете колонн портика. Следует начало первой части трагедии.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Явл. I. С крайних планов верхней сцены спускается по лестнице, соединяющей обе сцены, хор аргосских старцев, разделенный на два полухория, во главе которых Талфибий и Эврибат. Дойдя до середины нижней сцены, они поднимаются по лестнице и останавливаются перед колоннами портика. Слова ремарки „опираясь на высокие посохи“ — мотив для группировки старцев.

Явл. II. Стремительное появление дозорного с правого выхода нижней сцены. Его рассказ, прерываемый Талфибием и Эврибатом — на ступенях лестницы.

Явл. III. Выход Клитемнестры и женщин из-за колонн портика. Клитемнестра в середине. При ее появлении старцы несколько спускаются по ступеням лестницы. „Она (Клитемнестра) делает знак рукой — дозорный уходит“ — невольная реминисценция античного театра, когда необходимо было убрать дозорного, чтобы актер мог нарядиться в костюм Агамемнона.

Явл. IV. Талфибий, Эврибат, хор старцев. При словах Эврибата — „Гул торжествующий несчетных голосов“ — оба полухория соединяются, занимая ступени левой стороны лестницы.

Явл. V. Одновременное появление Клитемнестры и Агамемнона. Клитемнестра и служанки выходят из-за колонн портика. Агамемнон, Касандра, воины, корабельщики, пленники и пленницы выходят с правого выхода нижней сцены и останавливаются за несколько шагов, не доходя лестницы. От всей нижней группы оторвана фигура Агамемнона. За ним на коленях Касандра. Копья, щиты воинов и весла корабельщиков служат фоном для размещения групп пленников и пленниц, скованных между собою цепями. Шествие замыкают жертвенные животные, появление которых на сцене театра „Odéon“ при первой постановке „Эриний“ было встречено резким осуждением Сарсе: Чего тут только не было. Змеи, кабаны, быки и тигры... Словом и стойло и зверинец“.

Самый значительный момент этого явления — „служанки Клитемнестры расстилают перед Агамемноном пурпурные ковры“ — должен быть трактован, как зловещий и грозный символ. Царь войдет во дворец, где ждет его смерть, по крови.

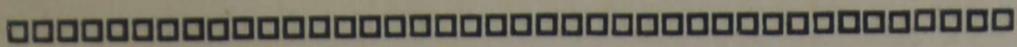
Явл. VI. Клитемнестра и служанки на верхней сцене. Корифеи и хор старцев слева на ступенях лестницы. Справа на нижней сцене неподвижная Касандра.

Явл. VII. Талфибий, Эврибат и хор старцев во время диалога с Касандрой переходят на правую сторону лестницы. Касандра, читая монолог „Я не сдержала клятв“, постепенно поднимается по лестнице. Корифеи и старцы спускаются на нижнюю сцену. Касандра уходит в средний просвет портика.

Явл. VIII. Талфибий, Эврибат, хор старцев — справа на нижней сцене.

Явл. IX. Те же и Клитемнестра, выходящая из среднего просвета портика. „Ее одежда запятнана кровью. В руке у нее топор“. Клитемнестра ведет всю сцену на верхних ступенях

размещение фигур точно так же, как и в V явлении, только Электра поднялась на несколько ступеней выше по дворцовой лестнице. Появление Клитемнестры на верхней площадке вынуждает Электру и хор хоефор покинуть верхнюю сцену через пролет справа, образуемый курганом и деревьями.

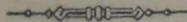
Явл. VIII. Клитемнестра, читая монолог, спускается по дворцовой лестнице.

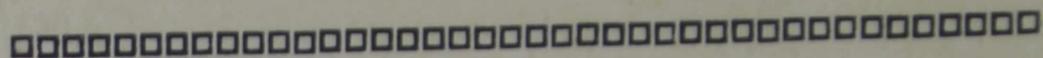
Явл. IX. Диалог Клитемнестры и Ореста. Орест убивает свою мать на нижних ступенях дворцовой лестницы.

Явл. X. Орест, труп Клитемнестры, Электра. Электра выходит справа из-за скал и стремительно подымается по лестнице.

Явл. XI и заключительная пантомима. Орест у трупа матери. Сценические мотивы его игры намечены в ремарках („глядит на труп“, „покрывает ей лицо краем пеплоса“ и т. п.). Первое появление двух Эриний служит началом для второй пантомимы. Затем показываются три Эринии на нижних ступенях дворцовой лестницы. Преследуемый ими Орест, спускаясь по лестнице, встречает снова Эриний, выходящих из-за скал и из правого выхода нижней сцены. Увеличивается также число Эриний на дворцовой лестнице. Эринии образуют круг, который становится все теснее и теснее... Сдвигается раздвижной занавес.

Вл. Н. Соловьев.

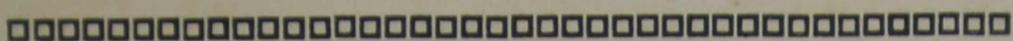

БИБЛИОГРАФИЯ

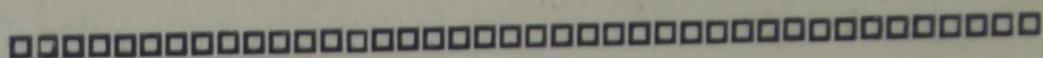
ГЛАВНЕЙШИЕ СОЧИНЕНИЯ О ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЕ

Монографии; статьи и упоминания в книгах:

- ean Dornis. Leconte de Lisle intime, d'après des notes et des vers inédits. 1895.
- F. Calmettes. Leconte de Lisle et ses amis (1902).
- Marius-Ary Leblond. Leconte de Lisle, d'après des documents nouveaux. 1906.
- Jean Dornis. Essai sur Leconte de Lisle. 1909.
- Henri de Régnier. Portraits et souvenirs. 2-e éd. 1913.
- Catulle Mendès. La légende du Parnasse contemporain. Bruxelles. 1884.
- Sainte-Beuve. Nouveaux lundis. t. II. 1863.
- Cuvillier-Fleury. Etudes historiques et littéraires. t. II. 1854.
- Armand de Pontmartin. Causeries littéraires. 1854.
- Charles Baudelaire. Réflexions sur quelques-uns de mes contemporains, в: L'art romantique. 1885.
- Théophile Gautier. Les progrès de la poésie française depuis 1830, в: Histoire du romantisme. То же в: Recueil de rapports sur les progrès des lettres et sciences en France. 1868.
- Alexandre Dumas fils. Réponse au discours de réception de M. Leconte de Lisle à l'Académie. 1885.
- Paul Verlaine. Les hommes d'aujourd'hui в: Oeuvres complètes, t. V, 1912.
- Paul Bourget. Nouveaux essais de psychologie contemporaine 1885. То же в: Oeuvres complètes. Critique. I. Essais de psychologie contemporaine. 1899.
- Anatole France. La vie littéraire. 2-e éd. 1888.
- Anatole France. La vie littéraire. Deuxième série. 1890.
- Jules Lemaître. Les contemporains. Deuxième série. 1885.

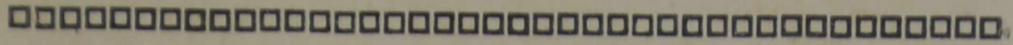
- J. Tellier. Nos poètes. 1887.
- Edmond Scherer. Etudes sur la littérature contemporaine. t. IX. 1889.
- Maurice Spronck. Les artistes littéraires. 1889.
- Georges Pellissier. Le mouvement littéraire au XIX-e siècle. 1889.
- J. Lemaître. Impressions de théâtre. Quatrième série. s. d.
- Ferdinand Brunetière. L'évolution de la poésie lyrique en France au XIX-e siècle. t. II. 1894.
- Ferdinand Brunetière. Nouveaux essais sur la littérature contemporaine. 1895.
- G. Boissier. Discours prononcé aux funérailles de Leconte de Lisle. 1894.
- H. Houssaye. Discours de réception à l'Académie. 1895.
- Gaston Deschamps. La vie et les livres. Deuxième série. 1895.
- Robert Fath. L'influence de la science. sur la littérature française dans la seconde moitié du XIX-e siècle. Lausanne. 1901.
- Catulle Mendès. Rapport à M. le Ministre de l'Instruction publique et des Beaux-Arts sur le mouvement poétique français de 1867 à 1900. 1902.
- Albert Cassagne. La théorie de l'art pour l'art en France chez les derniers romantiques et les premiers réalistes. 1906.
- Joseph Vianey. Les sources de Leconte de Lisle. Montpellier. 1907.
- J. Moréas. Esquisses et souvenirs. 1908.
- H. Elsenberg. Le sentiment religieux chez Leconte de Lisle. 1909.
- Fortunat Strowski. Tableau de la littérature française au XIX-e siècle. 1912.
- Марія Фришмутъ. Критическіе очерки и статьи. СПБ. 1902.
- Валерій Брюсовъ. Новый энциклопедическій словарь, изд. Брокгаузъ-Ефронъ. т. XXIV. СПБ.
- Валерій Брюсовъ. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. т. XXI. СПБ. 1913.

Статьи в периодических изданиях:

- J. Dornis. Leconte de Lisle intime. Revue des Deux Mondes, 1895 (то же отд. изд., см.).
- G. Bastard. Souvenirs sur Leconte de Lisle. Revue Bleue, 1895.
- J. P. La jeunesse de Leconte de Lisle. Revue Bleue, 1897.
- L. Tiercelin. La jeunesse de Leconte de Lisle. Revue des Deux Mondes, 1898.
- E. Barré. La généologie définitive de Leconte de Lisle. Mercure de France, 1910.
- Eugene Garcin. Les païens à travers les siècles. Revue Moderne. 1869.
- Georges Noël. La poésie impersonnelle et M. Leconte de Lisle. Revue Contemporaine, 1870.
- Léon Dierx. Leconte de Lisle. La République des Lettres. 23 Juillet 1876.
- E. Michelet. Leconte de Lisle. Revue Contemporaine, 1886.
- Louis Ménard. Leconte de Lisle. La Critique philosophique, 1887.
- Pierre Quillard. Leconte de Lisle. Mercure de France, 1894.
- René Doumic. Leconte de Lisle. Revue des Deux Mondes, 1909.
- Edouard Schuré. Leconte de Lisle. L'homme, le poète, le penseur. La Revue, 1910.
- Марія Фришмутъ. Леконтъ де Лиль. Вѣстник Европы. 1889. (то же в отд. изд., см.).
- Fr. Sarcey. Chronique théâtrale. Le Temps, 13 Janvier 1873.
- Louis Etienne. Les Erinnyes. Revue des Deux Mondes, 1873.
- M. Leconte de Lisle, poète dramatique. Revue de l'Art dramatique, 1886.
- M. Gracien. Leconte de Lisle, auteur dramatique. Revue de l'Art dramatique, 1894.
- Fr. Sarcey. Les Erinnyes au théâtre d'Orange. Le Temps, 5 Août 1897.
- Gustave Larroumet. Les Erinnyes de Leconte de Lisle. Revue des Cours et conférences, 1900.
- Инт. О. Анненскій. Леконтъ де Лиль и его „Эрини“. Ежегодникъ Имп. Театровъ. 1909. вып. 5.

О Г Л А В Л Е Н И Е

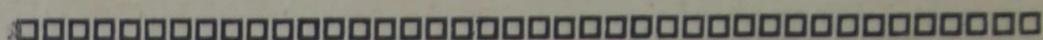
	СТРАН.
М. Лозинский. Леконт де Лиль	7
Леконд де Лиль. Эринии	17
Вл. Н Соловьев. Эринии (проект постановки)	94
Библиография	102

ПАМЯТНИКИ
МИРОВОГО РЕПЕРТУАРА

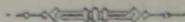
под общей редакцией **Д. К. Петрова** и **Я. Н. Блоха**.

1. **Бен Джонсон**. „Эписип или Молчаливая женщина“. Пер. Е. и Р. Блоха, редакция С. К. Боянуса. Сценич. указ. С. К. Боянуса, рис. и черт. А. В. Рыкова.
2. **Леконт де Лиль**. „Эринии“. Пер. и вступ. статья М. Лозинского. Сценич. указ. Вл. Н. Соловьева. Эскизы декораций и костюмов А. Я. Головина.
3. **Аристофан**. „Ахарняне“. Пер. и вступ. статья А. Пиотровского. Сценич. указ. Сергея Радлова.
4. **Карло Гоцци**. Сказки для театра. Пер. Я. Н. Блоха, М. Л. Лозинского и М. А. Осоргина. Вступ. статья Я. Н. Блоха. Сценич. указ. Вс. Э. Мейерхольда и В. Н. Соловьева. Эскизы декораций и костюмов А. Я. Головина.
5. **В. Конгрив**. „Двойной Делец“. Пер. Н. А. Шмаровой под редакцией Я. Н. Блоха. Вступит. статья и примечание Э. К. Межак
6. **Пьетро Аретино**. „Философ“. Пер. К. А. Панфиловой, ред. М. А. Кузьмина. Эскизы декораций и костюмов В. М. Ходасевич.
7. **Ф. Грильнарцер**. „Сон есть жизнь“. Пер. Ф. Ф. Зелинского. Сценич. указ. С. Э. Радлова.

8. **Вольтер.** „Чудаки“. Пер. Н. В. Рыковой и Вл. Н. Соловьева
Рис. и черт. А. В. Рыкова.
9. **Бен Джонсон.** „Алхимик“. Пер. Б. Л. Пастернака, редакция
С. К. Боянуса и Я. Н. Блоха. Вступ. статья и примеч.
Я. Н. Блоха.
10. **Джордано Бруно.** „Подсвечник“. Пер. Л. И. Карсавина.
Сценич. указ. К. М. Миклашевского.
11. **Ванборо - Шеридан.** „Поездка в Скарборо“. Пер. Елены
Блох. Сценич. указ. В. Н. Соловьева.
12. **Нейтс.** „Графиня Катлин“. Перевод Н. Гумилева. Вступит.
статья и прим. Я. Н. Блоха.
13. **Джон Вебстер.** „Герцогиня Амальфи“. Пер. Д. К. Петрова.
Сценич. указ. С. К. Боянуса.
14. **Фильдинг.** Фарсы. Перевод Е. и Я. Блох, Н. Залшупиной,
М. Кузмина и М. Лозинского. Музыка М. А. Кузмина.
Сценич. указ. К. М. Миклашевского. и С. Э. Радлова.
15. **Тирсо де Молина.** „Дон Хиль Зеленые Штаны“. Перевод
Вл. А. Пяста. Вступ. статья и примеч. Б. А. Кржевского.
16. **Дидро.** „Хорош он или плох“? Пер. М. М. Рындина. Сце-
нич. указ. Вл. Н. Соловьева.
17. **Гольберг.** „Маскарад“. Пер. А. А. Гвоздева. Сцен. указ.
Вл. Н. Соловьева.
18. **Джордж Пиль.** „Сказка Старухи“. Пер. М. А. Кузмина и
В. Н. Жигадо. Сценич. указ. С. Радлова.

Дальнейшие выпуски готовятся. Каждый выпуск будет снабжен вступительной статьей, критическими примечаниями, режиссерскими указаниями, библиографией и иконографическим материалом.

Настоящее издание отпечатано
в 15-й Госуд. типографии (бывш.
Голике и Вильборг), для Изда-
тельства „Петрополис“, в марте
1922 года, под наблюдением
В. И. Анисимова

МОГИЗ
каг. № 14
ц. 1 р.

1.1
21/11/37

4479

20 -
304841 / 781

Ленин
М

Л

2.53